

Л. И. Гришаева

Воронежский государственный университет

ДЕКОДИРОВАНИЕ СВЕДЕНИЙ О МИРЕ В ИНТЕРАКЦИИ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ И КОГНИТИВНАЯ ЗАДАЧА

В фокусе комплексного многоаспектного макротекстового анализа — соотношение, с одной стороны, сведений о мире, объективируемых в текстовом пространстве и/или интеракции средствами культурных кодов, и, с другой стороны, сведений, не объективируемых в интеракции и/или тексте, но активируемых и со-активируемых теми же вербальными и невербальными средствами. На примере текстов типа «афоризм», «максима» немецкого писателя Б.-Л. Ланге осмысливаются процессы в обеих частях Германии в период до, во время и после ее объединения, анализируются способы и средства вербализации сведений о мире. Обосновывается необходимость последовательно разграничивать такие процессы как кодирование и декодирование сведений о мире, порождение и рецепцию коммуникативных продуктов, понимание и интерпретация порожденного текста, осмысляемые как относительно автономные, нелинейно связанные друг с другом и не взаимно конвертируемые. Особый акцент в работе делается на ассоциативном знании, которое необходимо реципиенту в качестве когнитивного фона при интерпретации когнитивной фигуры — знаний о событии, отношении к нему носителей немецкого языка как к категории, процессу, ценностной ориентации и др. Внимание уделяется также специфике декодирования прецедентных феноменов в текстах, содержательным стержнем которых являются прецедентные феномены разной этиологии как аксиологически нагруженные, когнитивно и коммуникативно релевантные в конкретной языковой культуре, с одной стороны, и как активирующие значительный пласт гетерогенного, гетерохронного, гетеросубстратного ассоциативного знания, с другой. Активизация и со-активация ассоциативного знания при рецепции описывается в свете системных, субсистемных, суперсистемных связей анализируемых текстов типа «афоризм», «максима». Отмечается вариативность средств и способов реализации когнитивных, номинативных, коммуникативных стратегий при решении одним и тем же субъектом познания и коммуникации однотипных коммуникативных и когнитивных задач. Выявленные особенности порождения текста определенного типа анализируются в контексте актуальных тенденций, свойственных на современном этапе бы-

тования языковых культур содержательной, формальной, функциональной, семиологической организации текстов.

Ключевые слова: порождение и рецепция текста; ассоциативное знание; прецедентные феномены; субсистемные, системные, суперсистемные связи текста; кодирование и декодирование сведений о мире; внутритекстовые, междетекстовые, интертекстуальные связи в культурном и текстовом пространстве

Введение

Интеракция между носителями языка и культуры представляет собой, по сути, решение коммуникативной и когнитивной задачи, а текст — результат коммуникативной и когнитивной деятельности интерактантов с помощью средств культурных кодов, как они сложились в соответствующей языковой культуре. При этом интерактанты используют разнообразные инструменты и средства, владея различными способами использования последних. Тем самым становится очевидно, что носители языка и культуры владеют не только знанием о функциональной сфере и функционале каждого инструмента и/или средства, но и знаниями о вариативности способов решения коммуникативных и когнитивных задач, даже если коммуниканты сами и не осознают, насколько ценным и значимым является такое знание.

Многочисленные примеры использования языка как средства познания и коммуникации показывают, что не все результаты интеракции воспринимаются тождественно всеми носителями одного языка и одной культуры, например:

Wörtlich genommen

Der Begriff Volksdemokratie war ein Kuriosum.

“Doppelt gemoppelt”, wie der Volksmund sagt. Genau übersetzt wäre das eine “Volksvolksherrschaft”.

Obwohl — dann stimmt’s wieder: Ein kleines Volk herrscht über das große¹ (LANGE 2000: 21).

Примеры очевидно свидетельствуют о том, что понимание той или иной мысли, которую к тому же можно выражать по-разному, зависит не только от уровня владения языковыми

¹ В приводимых примерах на немецком языке сохраняется написание оригинала (дореформенное).

средствами, но и от того, какие именно знания о внеязыковой действительности объективируются некоторыми механизмами вербализации, а также знания о том, что можно говорить в интеракции, а что только подразумевается.

Однако подавляющее большинство носителей немецкого языка, уровень владения которым у них *a priori* более или менее сопоставим, совершенно не замечают, отчего употребление номинации *Volksdemokratie* в соответствующем культурном пространстве становится конвенциональным, привычным, обыденным, «нормальным» и поэтому не признается алогичным. Интересно сравнить описанный выше способ семантизации иноязычного термина с иным способом семантизации единиц иноязычного происхождения. Вместе с тем вполне очевидными становятся различия в семантике номинаций, закрепившихся в языковой культуре и в сознании носителей языка: *Enttäuschung*: *Er dachte immer*, *Denunziant wäre etwas besseres als Verräter* (LANGE 2000: 43).

В интеракции между носителями языка многие сведения высвечиваются как абсолютно неожиданные и регистрируемые только после того, как один из субъектов предложит свою интерпретацию воспринимаемой ситуации; и тогда известная мысль («Есть только миг между прошлым и будущим»), оформленная непривычным в конкретном культурном пространстве образом, осмысливается принципиально иначе: «Популярность — миг между неизвестностью и забвением» (Сидоров 2025). Аналогичным образом становится понятно, насколько разным по степени очевидности аллюзивности является комплекс гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о воспринимаемой ситуации для реципиента и для продуцента: «Афоризмы пишутся не от нехватки слов, а от переизбытка мыслей» (*ibid.*). Оба субъекта взаимодействия — потенциальный продуцент и потенциальный реципиент — могут иметь в одной и той же ситуации взаимодействия разный набор и характер ассоциаций, поэтому и результат осмысления воспринимаемых сведений оказывается у них и для них специфическим: «Если краткость — сестра таланта, то афоризм — брат шедевра» (*ibid.*).

Вместе с тем не менее явным для успешной и продуктивной коммуникации оказывается владение знанием, разделяемым все-

ми носителями культуры, даже если коммуниканты используют для решения одной и той же номинативной задачи разные приемы и механизмы вербализации коммуникативно и когнитивно релевантных сведений: «Сегодня у большинства наших авторов гонорар ниже плинтуса, зато гонора — выше крыши» (ibid.). И только в опоре на владение знанием, которое не объективируется в интеракции языковыми и/или невербальными средствами, реципиенты способны понять, о чем ему сообщает продуцент, сопоставляя негативную и позитивную оценку, с одной стороны, деятельности субъекта, а, с другой — самого субъекта: «гонорар ниже плинтуса» → негатив для результата деятельности → негатив для субъекта этой деятельности, «гонор выше крыши» → негативная характеристика субъекта (в коллективном представлении) → потенциально негативные последствия для деятельности субъекта и для самого субъекта в дальнейшем.

Насколько важным является умение носителей языка и культуры интерпретировать сложившееся адекватно коммуникативным условиям соотношение сведений, объективируемых в текстовом пространстве и/или интеракции средствами культурным кодов и сведений, не объективируемых в интеракции и/или тексте (представления о страданиях Христа, например, без тернового венка), но активируемых и со-активируемых используемыми средствами объективации (знания об атрибутах святых, например, нимб), можно убедиться на следующем примере: «Без тернового венка нимба не обретишь» (ibid.).

Поэтому соответствующую *проблему* — соотношение сведений, объективируемых и не объективируемых в тексте и/или интеракции, целесообразно интерпретировать как актуальную, а также как до сих пор теоретически не осмысленную как таковую с достаточной степенью глубины. Между тем очевидно, что представленное положение дел, а также воспринимаемые на поверхности феномены как якобы одинаковые, имеют, по более глубокому размышлению, нетождественные и неоднотипные когнитивные и коммуникативные источники и проявляются в разных ситуациях взаимодействия разных субъектов, как видно из приведенных примеров, нетождественным образом. Следовательно, правомерно утверждать, что тем самым поставлены исследова-

тельные задачи, нуждающиеся в исчерпывающем объяснении.

Суть поставленной проблемы и исследовательские задачи

Приведенные выше примеры показывают, что анализ того, как достигается продуктивность взаимодействия между разными субъектами, и того, когда взаимодействие правомерно охарактеризовать как взаимопонимание, нуждается в целесообразном и последовательном подходе к изучению соответствующих процессов как развивающихся *не тождественным* образом, как *не являющихся* оборотной стороной друг друга и/или взаимно конвертируемыми. В виду имеются такие процессы как порождение vs рецепция, кодирование vs декодирование, интерпретация vs понимание (см. подробно в [ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ... 2025; ГРИШАЕВА 2025a; ГРИШАЕВА 2025b]; ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ... 2025] и др.). Эти процессы резонно описывать как имеющие свои *специфические* характеристики и условия проявления при наличии у них, естественно, вполне сопоставимых свойств. Изучение названных процессов тем самым аналогично тому, что факторы риска в коммуникации не являются оборотной стороной условий успешности (см. подробнее в: [ГРИШАЕВА 2022: 502–535]).

Сказанное применительно к интеракции с помощью языковых средств и к тексту как коммуникативному результату означает необходимость четко разграничивать два комплекса знаний: (1) знания, транслируемые продуцентом средствами культурных кодов текстом и в тексте, и (2) знания, извлекаемые реципиентом из текста. Для анализа деятельности реципиента принципиальным становится осмысление его умения осознанно и/или интуитивно различать знания, объективируемые средствами культурных кодов, и знания, не объективированные средствами культурных кодов, но активируемые и соактивируемые.

Это относится не только к конкретному порождаемому и/или порожденному тексту, но и к конвенциональным способам решения определенной коммуникативной и когнитивной задачи. Это в конечном итоге означает владение знанием о том, какие сведения в конкретном культурном пространстве конвенционально и регулярно объективируются средствами культурных кодов, а какие традиционно не объективируются осо-

знанно, но необходимы для восприятия коммуникантами.

Цель статьи состоит, таким образом, в описании процессов, стоящих за пониманием реципиентом текстов, порожденных субъектом с иной личностной идентичностью, в ситуациях, параметры которых совсем не обязательно и отнюдь не всегда достоверно известны реципиенту, даже если у продуцента и реципиента одна и та же коллективная идентичность, т. е. они являются носителями одной языковой культуры.

Не объективируемые в интеракции / тексте сведения о мире

Традиционно в семиотически гетерогенном и/или семиотически гомогенном текстовом пространстве внимание исследователей привлекают сведения, объективируемые / овнешняемые различными механизмами вербализации: лексико-семантическими, морфологическими, синтаксическими, словообразовательными, формально-структурными, текстограмматическими, дифференцируемыми по хорошо известным в лингвистике основаниям, а также и разнообразными паралингвистическими средствами. При анализе текстов учитываются сведения, объективируемые средствами невербальных культурных кодов: оптическими, акустическими, а также одорическими, густическими, гаптическими, проксемическими, хрононемическими через прямые и опосредованные связи с оптическими и/или акустическими средствами, а также с языковыми первичными и/или вторичными номинативными средствами: Radio betäubt nur örtlich. Fernsehen ist Vollnarkose (LANGE 2000: 79). Внимание исследователей привлекают в том числе и средства вторичных культурных кодов, а также средства искусственных кодов, с помощью которых структурируется соответствующее информационное пространство.

Между тем сведения, которые не объективируются в интеракции, но активируются и со-активируются, чрезвычайно значимы как при порождении текстов как коммуникативных продуктов, так и при их рецепции, включая достижение взаимопонимания и корректное осмысление послания от продуцента к реципиенту (см. примеры). Без активизации и осмысления знаний, не объективированных средствами культурных кодов в текстовом пространстве и/или в интеракции, деятельность про-

дучента или реципиента по определению не может быть продуктивной, не говоря уже о ее эффективности (см. в связи с этим рассуждения о валентности понятий в [KLIX 1984]).

Здесь интересно сравнить набор сведений, объективированных языковыми средствами, и сведения, подразумеваемые, т. е. активируемые и со-активируемые при рецепции такого текста, в том числе инферируемых: *Es werden täglich weitaus mehr Nachrichten als Köpfe frisiert* (LANGE 2000: 117). Нарушение семантической избирательности у тех или иных языковых средств (**Nachrichten frisieren*) способствует интерпретации соответствующей номинации в качестве концептуальной метафоры, в то время как последняя активизирует знание о манипулятивных воздействиях современных (*täglich*) средств массовой информации (*Nachrichten*). Активизация и со-активация сведений о современном медиапространстве и о доминирующих в нем коммуникативных стратегиях способствует конструированию текстом негативного аксиологического фона несмотря на формальную «нейтральность» синтаксической семантики соответствующего высказывания (двухчленный пассив, в котором субъект действия не упоминается в силу структурных закономерностей: *Es werden... Nachrichten... frisiert*). Однако без знаний о том, насколько часто носители языка стригутся, а также насколько регулярно выходили периодические издания в XX в. (были ежедневные, а также еженедельные, ежемесячные, ежегодные и т. д.), нельзя было бы распознать и концептуальную метафору.

Интерпретация реципиентом соотношения «знания, объективированного средствами культурных кодов, vs знания, активируемого и со-активируемого теми же средствами» обуславливает переконфигурирование признаков, образующих ментальную структуру любого понятия. Благодаря этому мы можем сопоставлять конвенционально несопоставимое — внутреннюю трансформацию личности человека, с одной стороны, и изменение внешности человека под влиянием выбора предметов одежды, с другой; ср.: *Da die Menschen sich nicht so leicht ändern können, haben sie die Mode erfunden* (ibid.: 115).

Анализировать соотношение комплексов сведений о мире, необходимых для понимания воспринимаемого текста, необходи-

мо также потому, что знания, объективируемые различными механизмами вербализации, *не тождественны* знаниям, объективируемым средствами невербальных кодов, ни в количественном, ни в качественном отношении. И если соответствующие комплексы знаний не со-активируются синхронно в одной интеракции, содержание текста реципиент не сможет осмыслить так легко и так бесп проблемно, как этого хотелось бы обоим коммуникантам: *Karriereleitern haben auf der anderen Seite keine Sprossen* (ibid.). Активизации невербально кодируемых сведений о лестнице и ее составных частях (*Leiter, Sprossen*) осложняется многозначностью лексем *Sprossen, Leiter* и выражения *auf der anderen Seite*.

Сказанное косвенно свидетельствует о необходимости учитывать при анализе, во-первых, знания как сведения, релевантные для осуществления интеракции, и, во-вторых, сведения о мире, не имеющие непосредственное отношение к осуществляемой интеракции, что становится очевидно из следующего примера: *Übertriebene Feinkoster: Hummersexuelle* (ibid.). Это же касается знаний, необходимых продуценту и реципиенту как при порождении, так и при рецепции текста. Так, если субъект не владеет текстотипологическим и текстограмматическим знанием, о необходимости учитывать которое наряду с языковыми, интеракционными и энциклопедическими знаниями, традиционно и общепринято выделяемыми в специальной литературе, говорит У. Фикс (Fix 2008), в частности, применительно к примеру ниже о типе текста «фабула художественного произведения», он, реципиент, не сможет понять текст адекватно задумке продуцента:

Kurzkrimi

Sie hatte es auf sein Geld abgesehen.

Er auf ihres.

Das Geld überlebte (LANGE 2000: 109).

Чтобы адекватно осмыслить послание продуцента, транслируемое в тексте, реципиент не может не понимать различий между знаниями, значимыми здесь и сейчас, и знаниями, необходимыми ему для осмысления интенции продуцента в принципе: *Als er einen Preis bekam, wußte er endlich, was er wert war* (ibid.: 117). Это предполагает владение не только языковыми и

текстотипологическими, но и энциклопедическими, интеракционными знаниями. Не менее важными оказываются различия между знаниями, салиентными в интеракции определенного типа, и знаниями, менее значимыми в соответствующей ситуации «здесь и сейчас»: *Der Lorbeerkrantz: ein geflochtenes Küchenkraut* (ibid.: 115).

Перечисленные, не объективированные в интеракции и/или порождаемом в ней тексте знания, которые чрезвычайно значимы для продуктивного взаимодействия и для установления взаимопонимания между интерактантами, Ю. Райшер называет ассоциативным знанием (REISCHER 2002).

Райшер описывает в качестве ассоциативных следующие сведения, как-то:

- декларативные — процедуральные или ассоциативные знания хранятся как отдельные сведения или как комплекс фактов (данных) или откладываются в виде последовательности отдельных шагов или пар, образуемых условиями и действиями либо складывающихся как ассоциативная сеть из декларативных или процедуральных и/или ассоциативных элементов;

- контролируемые либо неконтролируемые знания. Усвоение знаний происходит без особых усилий со стороны индивида, автоматически (имплицитно или не осознаваемо) либо эксплицитно, при сознательном обращении к когнитивным ресурсам;

- актуальные или общие знания. Знания могут быть ограниченными временными параметрами или же доступными в течение длительного промежутка времени, что согласуется с разграничением кратковременной и долговременной памяти;

- индивидуальное и коллективное знание. Есть знание, которым владеет индивид, и знание, которое известно практически каждому носителю культуры (ibid.: 94–95).

К знаниям описанного типа Райшер относит знания об обоих коммуникантах, в частности, те, что мы приводим ниже:

- знания о себе: здесь выделяются две категории:
 - эпизодическое знание: [(не)контролируемое, декларативное / процедуральное / ассоциативное, общее, индивидуальное]. Оно предполагает индивидуальное знание фактов и историй (декларативное: имя, возраст, место рождения и др., ассо-

циативное: важные личные события);

— знания статус-кво: [неконтролируемое, декларативное / интуитивное, актуальное / общее, индивидуальное], т. е. знание об актуальном состоянии, ментальном и физическом, а также знание об общих ментальных и физических способностях (ibid.: 98);

• знание о партнере: [(не)контролируемое, декларативное / процедуральное / ассоциативное, актуальное / общее, индивидуальное], т. е. актуальные и долговременные сведения или предположения о партнере (его имени, его мнениях, его поведении и др.) (ibid.).

В качестве примера значимости знаний описанного типа для адекватной интерпретации текста, порожденного в определенных условиях, может служить следующий афоризм: *Gib auf die Wölfe acht, die mit der heulen* (LANGE 2000: 99). Это понятно в том числе и с опорой на сугубо структурные маркеры — глагольные формы (*gib*), разряд местоимения в качестве синтаксического субъекта (*man*), существительные дейктической (= широкой) семантики (*Männer*). Приведенный текст наглядно демонстрирует зависимость содержательной интерпретации воспринимаемого текста от степени дифференциации социокогнитивного опыта реципиента, ср.: *Unlogische Sätze amüsieren Männer nur bei ihrer Geliebten* (ibid.); *Man kann Menschen auch mit einem Gradmesser umbringen* (ibid.: 117).

Знание прецедентов как ассоциативное знание

В обсуждаемом контексте особого упоминания заслуживает прецедентное знание, т. е. владение знанием наиболее релевантных в культуре сведений о регулярно повторяющихся ситуациях, культурных героях, ценностных ориентирах, максимах и пр. Такие знания аксиологически нагружены, регулярно воспроизводимы, константны в содержательном, формальном и функциональном отношениях, но чрезвычайно вариативны при содержательной детализации в специфических коммуникативных ситуациях (см. подробнее в [КАРАУЛОВ 1987; ГРИШАЕВА 2018; ДОНЕЦ 2014; БЛИНОВА 2024] и др.).

Прецедентные феномены, будучи вторичными семиотическими образованиями, чрезвычайно сложны в когнитивном отношении. Они, с одной стороны, имеют разную форму: вербаль-

ную (одна словоформа разной частеречной принадлежности, группа слов разной структуры, предложение разной структуры и степени синтаксической сложности). Одно и то же прецедентное образование отсылает к разным референтам: субъектам, объектам, отношениям, признакам, ситуациям, действиям, процессам, состояниям и т. п. Прецедентные феномены как вторичные семиотические образования объективируются как вербально, так и невербально: изображение, кукла, сувенир, пакет, памятник, мотив, цельное музыкальное произведение, песня, бюст, перформанс, запах, одежда и пр. Одновременно эти номинативные (в широком смысле) средства объективируют весьма сложно организованный комплекс гетерогенных, гетеросубстратных, гетерохронных сведений о мире, состав которых довольно константен в конкретном лингвокультурном пространстве, и имеет выраженный и постоянный, хорошо известный для носителей культуры аксиологический заряд, понятный всем поколениям носителей этой культуры.

Перечисленные свойства объясняют мощность и предсказуемость того или иного характера воздействия прецедентных феноменов на реципиента. Важным обстоятельством является также то, что соответствующее воздействие способно в культурном и/или текстовом пространстве к потенцированию, поскольку прецедентные сведения в одной и той же интеракции или тексте могут объективироваться синхронно не только вербальными, но и невербальными средствами.

В анализируемом издании прецедентное знание проецируется разными способами. Так, довольно распространены аллюзии на прецедент: *Alle Menschen werden Brüder. Bis auf die Schwestern* (LANGE 2000: 99); ср.: *Der Kunde war nicht König, sondern Bettelmann* (ibid.: 11). Комический эффект от приведенных афоризмов основывается на активизации регулярно воспроизводимого в эпоху ГДР тезиса о характере человеческих отношений в социалистическом обществе; ср.: *Nie starb der Kapitalismus so stark wie heute* (ibid.: 67); *Aus dem einstigen Traumland wird für manche allmählich ein Alptraumland* (ibid.: 98).

Аллюзии порождаются не только апелляцией к политически релевантным постулатам, но и через общекультурный ко-

гнитивный багаж, в котором присутствуют, понятно, не только прецеденты, но и иные повторяющиеся феномены типа пословиц, поговорок, фразеологизмов: *Wer mit seinem Latein am Ende ist, sollte es mal mit seiner Muttersprache versuchen* (ibid.: 58). Благодаря со-активации в текстовом пространстве афоризма прецедентных сведений реципиент может переосмыслить как сам афоризм, так и актуальную в языковой культуре ситуацию, а также интерпретировать смысл прецедентного знания на ином когнитивном фоне: *Als der Stein seines Denkanstoßes ins Rollen kam, brachte er sich rechtzeitig in Sicherheit* (ibid.: 12). Комический эффект базируется в том числе и на дейктичности местоимения *er* и потенциальной вероятности реферировать с неким субъектом (неопределенно-личное употребление) или же интерпретировать его как кореферентное средство к элементу действительности: *der Stein*. Комментарий относится и к притяжательному местоимению *seines* в генитиве, нечастотное словосочетание *der Stein seines Denkanstoßes* провоцирует активизацию сведений не об объекте, а о субъекте, а вместе — концептуальной метафоре.

Не пренебрегает Ланге и буквальным цитированием и/или квазичитированием прецедентов: *Die neue Zeit ist angebrochen. Wer schient sie?* (ibid.: 51). В ряде случаев цитирование позволяет со-активировать у реципиента контрастирующие комплексы сведений: *Im Sozialismus, so wurde immer wieder behauptet, ist der Mensch dem Menschen kein Wolf mehr. Richtig! Hier mußt du Fuchs sein!* (ibid.: 12).

Активное обращение Ланге к прецедентному знанию при порождении афоризмов побуждает остановиться на причинах данного процесса, поскольку оно вряд ли будет корректно и продуктивно объяснено, например, идиостилистическими предпочтениями. Думается, что не последнюю роль в нем играют и свойства самих прецедентов, позволяющих продуценту оптимизировать свою речемыслительную деятельность за счет разных средств и способов организации текста, в частности, таких как

— экономия языковых средств при содержательном богатстве: *Alle Menschen werden Brüder. Bis auf die Schwestern* (ibid.: 99);

— лаконичность высказывания: *Der Zeitgeist: ein bestechliches Gespenst* (ibid.: 61);

— прогнозируемая эффективность воздействия на реципиента: *Zuverlässiger als der Frühling ist die Bürokratie: sie treibt immer Blüten* (ibid.: 62);

— эмотивность высказывания: “*Ich will vorwärts kommen*”, *sagte das Quadrat*, “*ich will in bessere Kreise!*” (ibid.: 51);

— информативная содержательность высказывания: *In der Bundesrepublik werden Gewinne privatisiert und Verluste sozialisiert* (ibid.: 98);

— креативность и аттрактивность: “*Man muß*”, *meinte der Redner*, “*die Realität immer wieder an der Wirklichkeit überprüfen!*” (ibid.: 12);

— модификация прецедентного знания: *Rückblick. Die Sieger der Revolution sind nicht die Gewinner* (ibid.: 48).

Вариативность способов и средств актуализации прецедентного знания в текстовом и культурном пространстве позволяет добиваться неожиданных эффектов — в деятельности реальной сконструировать один из виртуальных миров либо фикциональную действительность, квазиреальную, или же один из возможных миров:

Wenn ich mir vorstelle, tatsächlich erst mit 65 Jahren Paris zu sehen... und der Arzt hat mir inzwischen vielleicht den Rotwein verboten, dann, dachte ich — unter diesen Umständen: Scheiß-Paris! (ibid.: 39)).

Это позволяет беспроблемно для рецепции формы и содержания текста осуществить следующие действия:

— перевести банальность в философское обобщение: *Was heutzutage als moderne Musik ausgegeben wird, drehten wir früher im Radio als Störungen weg* (ibid.: 112);

— превратить бытовую коммуникацию в бытийную: *Der Wahrheit die Ehre geben, ist noch die einfachste Art, sie nicht zu sagen* (ibid.: 57);

— играть соотношением «содержание ↔ форма»: *Blick nach vorn. Die Zukunft klopft ans Tor. Wer getraut sich zu öffnen?* (ibid.: 126);

— переключать бытовую коммуникацию в политическую:

Rückblick. Die Sieger der Revolution sind nicht die Gewinner (ibid.: 48);

— переструктурировать комплекс активируемых сведений о мире: Scheuklappen sind lediglich eine Sehhilfe. Sie korrigieren den Blick nach vorn (ibid.: 57);

— изменять соотношение «когнитивный фон ↔ когнитивная фигура»: Die Wunder der DDR-Ökonomie. Es gibt auch einen Rückexport! Exportierte Produkte, die dringend im Land benötigt wurden, kaufte man gegen Devisen zurück! Dagegen waren doch die Schildbürger Waisenkinder! (ibid.: 39);

— демонстрировать порочность решений субъекта без подчеркнутого морализаторства: “Ich möchte aus meinem gewohnten Leben ausbrechen!” sagte der Häftling. (ibid.: 98);

— напоминать о высокой (моральной) ответственности субъекта за его непродуманные решения: Ihren Platz im Paradies lassen sich manche ein Heidengeld kosten (ibid.: 115) и др.

Подобное высокое разнообразие функционала прецедентного знания в юридической коммуникации базируется на том, что совокупность прецедентных феноменов в каждой языковой культуре дает ее носителям более или менее полное представление о разнообразных феноменах как неотъемлемых элементах конкретного культурного пространства, а именно:

— на содержании ценностных доминант носителей языка и культуры;

— на иерархии ценностных ориентаций;

— на соотношении «хорошо ↔ плохо», «дозволено ↔ запрещено», «поощряемо ↔ осуждаемо», «допустимо ↔ недопустимо», «привычно ↔ необычно»;

— на нормах ожидания в разных типах интеракций и т. д.;

— на способах конденсирования информации, когда минимумом средств выражается максимум сведений и обеспечивается эффективность воздействия на реципиента (см. примеры).

Ассоциативное знание и актуальные тенденции в организации текста

Анализ способов и средств актуализации ассоциативного знания на примере афоризмов и максим позволяет усмотреть причинно-следственные отношения, значимые для характери-

стики содержательной, формальной, функциональной организации текстов любого типа. Это проявляется, прежде всего, в гибридизации принципов организации текстовой ткани, в диффузии текстотипологических границ между текстами разных типов, в усилении степени интенсивности образности и экспрессивности у номинативных (в широком смысле) средств, содержательном конденсировании, информативной плотности при отсутствии какой-либо утраты эффективности воздействия соответствующих текстов на потенциальных и/или реальных реципиентов разных категорий. Тем самым продуцент развивает и совершенствует сознательно и/или неосознанно набор стратегий по управлению информационным потоком и формуляр способов реализации соответствующих стратегий; ср.: *Ungeduld heißt, nicht auf die Lücke zwischen zwei Wodken warten zu können* (ibid.: 99); *Sie wollte sich nur kurz von ihrem Mann verabschieden. Es wurde aber doch eine Scheidung daraus* (ibid.: 100).

Вместе с тем анализ позволяет определить и вопросы, требующие дальнейшего целенаправленного изучения при осмыслении соотношения в интеракции и/или тексте салиентного и ассоциативного знания. Так, импульсы к размышлению в обозначенном направлении правомерно усмотреть в следующих процессах, очевидных из проведенного наблюдения над содержательной, формальной, функциональной организацией текстов одного типа:

- интенсификация обращения ко вторичным номинативным средствам: *Abschied von Illusionen bedeutet nicht zwangsläufig Begrüßung der Realität* (ibid.: 84);

- гибридизация способов вербализации сведений о некотором элементе действительности: *Ein Mensch ist wie ein Brief. Er ist schnell abgestempelt und weggeschickt* (ibid.: 84);

- изменение в текстовом пространстве соотношения объективируемых и необъективируемых сведений о мире в сторону последних: *Von seinem Erfolg leistet er sich ein paar Ideale* (ibid.: 115);

- изменение в текстовом пространстве соотношения способов объективации сведений: с одной стороны, конвенционально вербально объективируемых сведений, а с другой — конвенци-

онально невербально объективируемых сведений: Sie sehen fern und bis zum Gartenzaun (ibid.: 112).

**Характер материала исследования и цель порождения со-
ответствующих текстов в представлениях носителей языка**

В качестве материала исследования избрана книга Ланге (LANGE 2000)² как эмпирия, адекватная изучаемой проблеме — соотношение сведений, объективированных средствами культурного кода, и сведений, не объективируемых в тексте, но без которых не возможно в принципе осмыслить ни содержание текстов, ни послание автора. В этой книге в юмористической, а также иронической и саркастической форме рассказывается о событиях, людях и социальных процессах периода до, во время и после объединения Германии. В книге собраны разные типы текстов: «скетч», «максима», «афоризм», «рассказ», а также рисунки Лотара Отто (Lothar Otto) на те же темы, что и тексты, которые выступают иллюстрациями к семиотически гомогенным текстам.

Носители немецкого языка получили от некоторых текстов названного автора весьма амбивалентное впечатление. Прежде всего, выяснилось, что носители немецкого языка, граждане бывшей ГДР, хорошо знакомы с творчеством Ланге:

² Несколько лет тому назад мы провели пилотный опрос среди носителей немецкого языка, чтобы выяснить, насколько полным / неполным / частичным является знание реалий ГДР у граждан объединенной Германии. Результаты оказались весьма противоречивыми (см. подробнее в [GRISCHAEWA 2022]). Так, граждане бывшей ГДР (sie ist Journalistin, er war im Fernsehen beschäftigt und in einem Ministerium in der Presseabteilung), одна семья, считают следующее: «Die Quelle, die Sie sich für Ihren Vortrag ausgesucht haben, ist für einen wissenschaftlichen Vortrag denkbar ungeeignet. Bernd-Lutz Lange ist ein hervorragender Kabarettist, Humorist, Unterhaltungskünstler, Autor, aber weder Linguist noch Wissenschaftler, wenn auch ein politisch denkender Mensch. Sein Buch von 1994 war ein Rückblick auf eine Zeit, die lange von der Gegenwart überrollt ist. Vielleicht damals auch ein Versuch, die Umbruchzeit finanziell zu überstehen. Das müssten Sie ihn aber selbst fragen. Er ist inzwischen Rentner, aber sicher über sein Leipziger Stammkabarett „Akademixer“ noch zu erreichen».

Ich bin 1945 geboren, jetzt 76 Jahre alt, bin in der DDR, in einer Großstadt (Halle/S.) in Mitteldeutschland aufgewachsen und lebe seit 1973 in Berlin (Ostteil).

Ich kenne übrigens Bernd-Lutz Lange aus meiner Forschungsstudienzeit an der Leipziger Universität, wo ich bei der Studentenbühne mitarbeitete. Lange war Mitglied der Studentenbühne und des Studentenkabaretts „Die Akademixer“.

Die Akademixer waren / sind hoch intelligente, kritisch denkende Leute mit einem feinen Sinn für Sprache und (bissigen) geistreichen Humor. Ich glaube, dass einige der Wendungen ihre Erfindungen sind, die dann vom Volksmund übernommen wurden. Das Kabarett hatte in der DDR eine Art Ventilfunktion.

Ich verstehe alle hier aufgeführten Wendungen aus dem in der DDR erlebten Kontext, habe aber viele von ihnen nie gehört und nur wenige selbst verwendet. Ich lese sie jetzt mit Vergnügen, weil sie in der Mehrzahl den Nagel auf den Kopf treffen.

Журналистка, принимавшая участие в пилотном опросе на предмет знания реалий ГДР, ответила в добром ключе, с симпатией к соответствующим номинативным решениям Ланге:

In unserem persönlichen Umfeld haben wir diese *Verbalhornungen* eher *liebevoll ironisch*, aber *kaum abwertend* angewandt. Wir kennen, *ohne sie alle verwendet zu haben* (курсив мой — авт.)

Однако другие респонденты высказывались довольно безапелляционно или крайне негативно:

eine Schweinerei, unerhört, boshaft, erniedrigend, unter der Gürtellinie, plump, primitiv, nicht in der Alltagssprache üblich gewesen...

Еще один респондент сообщил о своем впечатлении в нейтральной форме:

In Ostberlin. Geboren 1971, war zur Wende 18 (hatte gerade Abitur gemacht). Ja, bin also mit der DDR-Realität vertraut. Anmerkung: Ich habe die Wendungen auch meiner Mutter (73) und meinem Nefen (23) vorgelesen. Mein Neffe kannte überhaupt nichts davon. Meine Mutter auch erstaunlich wenig — ein paar mehr als ich... Ich erinnere mich nur, dass sie sofort Walter Ulbricht nannte und auch den Rucksackbullen³ kannte (sie kommt aus einem kleinen Dorf).

³ Интересно обратить внимание на то, как житель бывшей ГДР одновременно вспоминает фактического главу государства и осеме-

Профессор, доктор исторических наук, высказался следующим образом:

Bei den anderen Worten fällt mir auf: Es sind alles Begriffe einer *Klientel*, die die DDR als Staat distanziert bis hämisch betrachtete und ablehnte, Worte der politischen Gegnerschaft innerhalb der DDR. Die sind inzwischen mehr in Vergessenheit geraten als Alltagsbezeichnungen, die mehr oder weniger unpolitisch aber eindeutig DDR-bezogen waren wie „Konsummarken“, „Poliklinik“, „Haushaltstag“, „Flimmerstunde“, „Kinderkrippe“, „Brigadetagebuch“, „Spartakiade“ (ich kann noch mehr nennen).

Die von Dir genannten Begriffe (einige habe ich noch nie gehört) blieben oft nur in der *westdeutschen* Nachwendeliteratur erfasst, die *vorgeben wollte, DDR-Sprache zu kennen!!!* An diesen Begriffen lässt sich nicht messen, wer aus der DDR kam und wer nicht (курсив мой — *авт.*)

Есть и такое мнение относительно цели порождения анализируемых текстов:

Aus meinen Angaben werden Sie erkennen, dass ich den Verdacht habe, dass der Autor gelegentlich Ausdrücke, *die jemand in einer konkreten Situation (einmalig) benutzt hat*, um etwas besonders plastisch darzustellen und sogar *karikaturhaft zu verdeutlichen*, wie allgemein übliche Ausdrücke oder gar Redewendungen behandelt, was ich nicht korrekt finde (курсив мой — *авт.*)

Следует подчеркнуть, что процитированы мнения респондентов указаны в отношении текста *Bonzenschleuder und Rennrappe* (LANGE 2000: 24–32).⁴

Собственно комплексному, многоаспектному, макротекстовому, междисциплинарному, лингвокультурологическому анализу в работе подвергаются максимы и афоризмы, объем которых

нителя животных, иначе говоря, для него они были и остались (?) оба равнозначными.

⁴ Восприятие носителей языковой культуры обозначений реалий ГДР не тождественно. Многие выражения оцениваются как: *sehr bekannt — bekannt — geläufig*; довольно большое количество слов-реалий получают оценку *nie gehört — gehört*; не очень многие слова-реалии из ГДР воспринимаются носителями языка как *verständlich dank der Sprache*; немногие — как *unverständlich geblieben* (GRISCHAEWA 2022).

составляет либо одно предложение-текстему, либо одно сверхфразовое единство, т. е. 122 текста. Подобное решение основывается на том, что соответствующие тексты пригодны для многоаспектного макротекстового анализа. Это позволяет учесть семантические, синтаксические, функциональные особенности текста как содержательного, формального, тематического, семиологического, интенционального *единства*, как коммуникативной и когнитивной *целостности*, как *продукта* речемыслительной (дискурсивной) деятельности носителей языка и культуры.

Описываемые тексты чрезвычайно вариативны, что весьма важно отметить, поскольку комплексному анализу подвергаются тексты одного типа, реализующие разными средствами и способами одну и ту же коммуникативную стратегию — людическую. Это позволяет выделить не только черты сходства и различия при решении однотипных коммуникативных и когнитивных задач, но и эксплицировать особенности соотношения сведений, объективируемых и не объективируемых в интеракции определенного типа.

Анализ по интегральным и дифференциальным текстотипологическим признакам позволил определить, что подавляющее большинство текстов возникает при реализации людических и/или рекреационных стратегий (см. выше мнения носителей языка), когда тексты пронизаны в целом добрым юмором: Sie hatte eine schöne Stimme, aber einen schlechten Ruf (LANGE 2000: 79); Das Schönste am Lebenslauf sind die Pausen (ibid.: 61); Für Polizeihunde sind Nichtuniformierte immer verdächtig (ibid.: 80). Однако в ряде случаев автор реализует и социально-критические стратегии, высмеивая различных по своему статусу субъектов: Sind Christen die besseren Sünder? (ibid.: 79). В качестве заметки на полях стоит подчеркнуть, что максимы и афоризмы большей частью порождены условиями гибридной реализации разных стратегий: информативных, людических, рекреационных и социально-критических.

В книге Ланге три части: «Erinnerungen an die DDR» (с. 7–40), «Die Wende» (с. 41–50), «Hier und heute» (с. 51–126), в которые автор помещает разное количество максим, афоризмов, скетчей, рассказов, написанных по самым разным поводам и на

самые разные темы. Однако тексты разных типов, вошедшие в ту или иную часть, тематически более или менее однородны и содержательно вполне гармонично согласуются с заголовками частей. В первой части 23 максимы и афоризма, во второй — 8, в третьей — 91.

Интересно обратить внимание на то, что уже само название книги чрезвычайно любопытно: оно явно внутренне противоречиво (*Es bleibt alles ganz anders*; ср. семантику *bleibt*, с одной стороны, и *ganz anders*, с другой) и парадоксально (*Deutsch-deutsche Wunderlichkeiten*, когда название определено разъясняет, что граждане «старой» ФРГ не понимали граждан бывшей ГДР и наоборот). Это обстоятельство позволяет реципиенту сразу же вспомнить о разделе Германии в 1945 г., еще до того, как он начнет знакомиться с содержанием самой книги. Такое название книги активизирует множественные гетерогенные, гетерохронные, гетеросубстратные сведения о кардинальных различиях в интерпретации одних и тех же событий носителями немецкого языка и культуры, являвшимися гражданами двух стран, но говорящих на одном и том же языке. Очевидно, это знания энциклопедические, интеракциональные, языковые, если воспользоваться общепризнанным в специальной литературе разделением сведений о мире, изучаемых как картина мира.

Характерно, что анализируемые тексты содержательно можно довольно однозначно распределить по доминирующим в них сведениям, хотя понятно, что подобное деление довольно условно по причине невозможности четкого и безупречного разграничения энциклопедического, языкового, интеракционального знания, востребуемого в любом коммуникативном акте и в силу этого объективируемого, активизируемого и со-активируемого в тексте. Кроме того, бесперспективно строго выяснять, какие знания количественно преобладают в конкретном тексте, поскольку в картине мира носителей культуры, как известно, все типы знания связаны друг с другом по разным основаниям и на разных уровнях иерархии в различных ментальных гетеросубстратных ментальных структурах, образующих целостную картину мира. С учетом высказанной поправки относительно условности деления на типы знания в цитируемых

текстах, результат анализа выглядит следующим образом:

— знания энциклопедического характера доминируют; ср.:

Unsere Tageszeitungen druckten zwar keine Satiren, aber sie lieferten täglich den Stoff dazu (Lange 2000: 9); Der Charakter. Die Oktoberrevolution von 1989 war eine zutiefst deutsche. Tagsüber arbeiten. Und abends demonstrieren! (ibid.: 42);

— знания интеракционные преобладают; ср.:

Jeder wollte etwas kriegen, was es nicht gab (ibid.: 11); Wenn in der vormilitärischen Ausbildung auf Pappkameraden geschossen wurde, mußte doch die Frage erlaubt sein, was daran vor-militärisch sei? (ibid.: 39); Manche bleiben gern in der Tür stehen. Sie finden, ein Rahmen steht ihnen so gut (ibid.: 58); Wir scheuen nicht die Opfer der anderen (ibid.: 61); Verkehrshinweise. Das Schönste an den Einbahnstraßen ist der geringe Gegenverkehr (ibid.: 78); Tischreden vor dem Essen sind kürzer (ibid.: 79);

— знания языковые в фокусе; ср.:

Die Menschheit benötigt viel mehr Witze, als ihr einfallen (ibid.: 61); Sagt jemand: Versteh mich bitte nicht falsch, hab' ich garantiert richtig verstanden (ibid.: 67); Kinder stellen Fragen, die den Lehrern länger nicht mehr einfallen (ibid.: 74); Immer bestell ich die ganze Wahrheit — vertrag' aber höchstens die Hälfte! (ibid.: 67).

Кроме того, можно вычлени́ть и «смешанные» группы:

— знания интеракционные и энциклопедические; ср.:

Welch ein Land! Was wir uns leisten konnten! Zum Beispiel Diplomingenieure, die Freitag vormittag beim Bäcker anstanden! (ibid.: 12); Er wollte so gern einmal die Sau rauslassen, aber es kläffte immer nur der innere Schweinehund (ibid.: 117);

— знания языковые, энциклопедические, интеракционные:

Die besten Jahre des Lebens laufen davon. Die schlechten schleichen dahin (ibid.: 67).

Понятно, что нецелесообразно выяснять, какие частные темы понимает Ланге в своих афористических высказываниях и максимах по поводу и в связи с объединением Германии. Это, естественно, самые разные темы, но обязательно актуальные для всех носителей языка на момент порождения соответствующих текстов. Причину высокого тематического разнообразия следу-

ет, пожалуй, усматривать в том, что процессы, сопровождающие объединение двух частей одного культурного пространства, длительное время не имевших всеобъемлющих контактов, затрагивали буквально все сферы жизни носителей культуры, все коммуникативные сферы, абсолютно все коммуникативные практики и все категории граждан.

Нет также резона концентрировать усилия на исчислении средств и способов конструирования комического — это также по понятным причинам приняты как в любой языковой культуре, так и в немецкой культурной среде средства и способы, такие как игра слова, метафоры, метонимия, повторы, контраст, гипербола, литота и др. (см. анализируемые примеры).

Интересно обратить внимание и на тот факт, как Ланге апеллирует к ушедшей в историю культурной реальности, воссоздавая ее через активизацию и со-активацию с помощью выбранных им номинативных — в широком смысле — средств сведений о жизни граждан, об их чаяниях и идеалах, убеждениях и протестных акциях, в которых носители языка и культуры принимали участие либо о которых они слышали, об излюбленных объектах высмеивания, о возмущающих их действиях, об установках, которым они должны были следовать, но которые они не разделяли, и пр.

Внутритекстовые, межтекстовые, интертекстуальные связи в текстовом и культурном пространстве

Содержательный анализ под обозначенным углом зрения позволил выявить три способа активизации сведений о мире:

(1) апелляция к общечеловеческим и/или культурно специфическим ценностям, когда интерпретация содержания текстов весьма неопределенна по отношению к пространственно-временному континууму, а само содержание может оставаться актуальным практически в любом культурном пространстве;

(2) контекст, актуализируемый текстом в целом, когда название первой / второй / третьей части книги снимает для реципиента неопределенность и погружает содержание текста в понятный для реципиента пространственно-временной континуум. На соответствующем когнитивном фоне та или иная фигура осмысливается как принадлежащая немецкому культурному континууму эпохи, а

соответствующие номинативные средства активируют и со-активируют сведения, относящиеся к эпохе ГДР;

(3) введение в текст номинаций реалий ГДР и/или «старой» ФРГ, а также иных культурно специфических номинативных средств весьма дефинитивно локализует содержание во времени и пространстве.

Прослеживается любопытная закономерность: в первой части преобладают тексты третьего типа (Weinselig in der DDR: selig, einen Wein zu bekommen [LANGE 2000: 11]; Die DDR war sehr musikalisch. Man bildete ständig Komponisten für Zukunftsmusik aus [ibid.: 14]; “Wir ringen um eine sozialistische Lebensweise.” Dabei boxte man sie durch [ibid.: 15]). Тексты второго типа в количественном отношении более или менее равнозначным текстам первого типа (Wenn das mit der Obst- und Gemüseversorgung im Land so weitergegangen wäre, hätte man zukünftig die Stilleben aus den Museen entfernt [ibid.: 11]; Dinge hatten wir genug. Uns fehlten die Worte [ibid.: 14]. А тексты первого типа единичны (Neben den Toten fand man die Mordwaffe: ein Schlagwort [ibid.: 9]; “Ich werde mein Wissen verdoppeln”, sagte die Null [ibid.: 9]).

Во второй части книги все три способа активизации и объективации сведений об эпохе ГДР более или менее количественно равноценны: первый способ (Wenn die Macht wechselt, fallen viele Staatsbegräbnisse aus [ibid.: 43]), второй (Beim Ausprechen der Wahrheit überkam ihn immer ein unbeschreibliches Schwindelgefühl [ibid.]), третий (Oktober 89. Alle Eingaben hatten nichts genutzt. Wir mußten etwas größer schreiben. So entstanden Transparente [ibid.: 41]).

В третьей части книги абсолютно доминирует *первый* тип активизации сведений о той эпохе (Der Fernsehapparat tötete das letzte Nomadenhafte in uns. Wir sind für ewig seßhaft geworden [ibid.: 79]; Über Geschmack läßt sich streiten”, sagte der Kannibale [ibid.: 58]; Wer seiner Zeit voraus ist, findet oft keine Gesprächspartner [ibid.: 58]; Bei Neureichs hängen überall Raffgardinen [ibid.: 62]). *Второй* способ использует Ланге лишь в единичных случаях (Früher mußten wir das “das Kapital” nur lesen, aber nun ist es da! [ibid.: 51]; Neulich. Neulich las ich, daß das Schloß Wernigerode von 1648—1710 unbewohnt war. Sagenhaft! Wenn ich das

eher gewußt hätte! [ibid.: 78]). А *третий* встречается ненамного чаще, чем второй (Dynamisch. Ich kenne einen Genossen, der im Januar 1990 aus der Partei ausgetreten ist. Der hatte schon zwei GmbH's gegründet, da war bei dem der Muskerkater von der letzten Kampfgruppenübung noch gar nicht aus den Gliedern! [ibid.: 48]; Der Unterschied zwischen Hausbesetzern und der Treuhand: Hausbesetzer werden von der Polizei vertrieben, wenn sie sich fremdes Eigentum aneignen [ibid.: 80]).

Анализ объектов восприятия, сведения о которых объективируются, активируются и со-активируются в изучаемых текстах, позволяет констатировать наличие широкого поля элементов действительности, знания о которых присутствуют в реализации людических стратегий в коммуникации с ангажированными людьми, например:

— единственный субъект: Wie soll ich denn wissen, ob mich die Bardot geliebt hätte, wenn ich nicht nach Paris durfte!? (ibid.: 14);

— коллективный субъект: Die meisten Menschen erleiden auf Land Schiffbruch (ibid.: 58); Zuverlässiger als der Frühling ist nur die Bürokratie: sie treibt immer Blüten (ibid.: 62);

— объект: Das farbigste an vielen Fassaden war das Grün in der Dachrinne (ibid.: 14);

— установка на мировосприятие: Angler sind die einzigen Menschen, die auf ihr Glück noch warten können (ibid.: 67); Hoffnung: getarnter Pessimismus (ibid.: 99);

— отношения между людьми: Ich hätte gern nach dem Schauspiel geklatscht, aber mir waren auch die Hände eingeschlafen (ibid.: 79);

— характеристика внутреннеполитического ландшафта: Für Bonn reichte ja das durchschnittliche Niveau der Abgeordneten im Bundestag, aber für Berlin...? (ibid.: 98);

— общество: “Haben Sie Kinder?” “Na ja, irgend jemand muß das Zeug doch erben.” (ibid.: 61);

— оценка / характеристика общества сквозь призму интересов единичного субъекта: Ich wollte nie Pessimist im Sozialismus werden, dann schon lieber Optimist im Kapitalismus (ibid.: 79);

— жизненная установка сквозь призму коллективного субъекта: Wer aufgibt, hat mehr vom Leben (ibid.: 115).

Обобщая наблюдения над соотношением объективируемых и вербализуемых в тексте сведений и сведений, не объективируемых, но активируемых и со-активируемых в тексте, правомерно обратить внимание на порождение и рецепцию текста в контексте связей внутритекстовых, междотекстовых, интертекстуальных. Это необходимо сделать потому, что одни и те же в когнитивном отношении сведения, активируемые и со-активируемые в разных контекстах, т. е. в субсистемном, системном и суперсистемном, осмысляются по-разному. Причина — в закономерностях восприятия, проявляющихся во влиянии когнитивного фона на результат осмысления когнитивной фигуры. Так, текст *Verwandte sehen einen oft so unverwandt an* (ibid.: 115) можно интерпретировать как результат рефлексии семейных отношений (= когнитивная фигура) в одном и том же культурном пространстве (= когнитивный фон 1), а можно погрузить и в межгосударственный контекст (= когнитивный фон 2), поскольку родственники у граждан ГДР были и в ФРГ; тогда внутрисемейные отношения осмысляются как межгосударственные.

Текст *Die Unfähigkeit, das Passende zu sagen, hält sich zum Glück mit der Fähigkeit, das Unpassende zu antworten, die Waage* (ibid.: 61) также правомерно интерпретировать как характеристику свойства (= когнитивная фигура), присущее любому человеку во все исторические эпохи (= когнитивный фон 1), а можно и как общение официальных компетентных органов с лицами, подозреваемыми в диссидентстве (= когнитивный фон 2).

То же относится и к тексту *Bei uns hatte jeder sein tropfendes Dach überm Kopf* (ibid.: 14), который можно интерпретировать как критику работы коммунальных служб, а можно и как наличие доносчиков среди близких.

Бесполезность бессмысленных протестов могут усмотреть некоторые, осмысляя текст *Wir lassen nicht mehr alles auf uns sitzen, sagten die Stühle und stellen das Stehen ein* (ibid.: 57), который для одних реципиентов может осмысляться как описание дисфункционала, а для других как отказ выполнять очевидные функции, обязательные для определенной категории людей.

В культурном и текстовом пространствах подобные связи обнаруживаются на разных уровнях: субсистемном, системном,

суперсистемном.

Субсистемные связи текста проявляются его в текстосемантической, текстосинтаксической, функциональной, семиологической организации, что, очевидно, сказывается на конфигурации внутритекстовых связей, реализации в конкретных условиях соотношения обязательных и факультативных макрокомпонентов в тексте того или иного типа, на характере влияния эндогенных и экзогенных для текста факторов. Интерпретация воспринимаемого текста поэтому неочевидно вытекает из социокультурного контекста в целом; это справедливо для разных понятийных сфер. Например, *Auf Selbstbetrug gibt es immer Bewährung* (ibid.: 62); *Ich kenne Leute, die sind echt nett und tierisch gut. Auch menschlich* (ibid.: 98).

Системные для конкретного текста связи имеют место между текстами одного типа, между текстами разных типов, порожденных по одному поводу и/или на одну и ту же тему, между первичными и вторичными по отношению к первичному тексту. Например, *Ich würde ja nachgeben, wüßte ich, daß ich der Klügere bin!* (ibid.: 67), когда очевидна связь с общеизвестным в культуре высказыванием (*Der Klügere gibt nach*) Ср. аналогичное решение, активизирующее сведения из иной понятийной сферы: *Ich bin außer mir. Darum gehe ich in mich* (ibid.: 57). Или же текст, который имеет связи с текстами разных типов или сегментов культурного пространства и исторических эпох: *Banker: Schein-Heilige* (ibid.: 94), что подкрепляется игрой слов: *scheinheilig* — *Schein* (финансовая / банковская сфера — физика естественного пространства).

Суперсистемные для текста связи основываются на функционале текста определенного типа в коммуникации и/или же на его значимости в конкретном пространственно-временном культурном континууме. Важными являются также связи между текстами разных типов в культурном пространстве, влияние экзогенных для текста факторов, характер межтекстовых связей. Например, *Im Nachtrab waren wir den anderen voraus* (ibid.: 14), когда для носителей культуры очевидно (что не требует дополнительных разъяснений), когда в виду имеется весь комплекс действий коллективного субъекта (= страна) и его политика в

системе межгосударственных отношений. Содержание текстов интерпретируется в социокультурном контексте в целом, в том числе вне политических ассоциаций и/или подтекста: *Der Totengräber hat keinen Zorn auf den Tod, nur auf das Graben* (ibid.: 94). *Dachdecker sind dem Himmel näher. Vor allem, wenn sie abstürzen* (ibid.: 94). Ср.: *dem Himmel näher sein, abstürzen* — в прямом и переносном смыслах, *Dachdecker* — как человек вообще или как профессионал; тогда и *der Himmel* осмысляется по-разному — либо как продвижение по карьерной лестнице, либо как часть природного мира, либо как потусторонний мир.

Особую роль в суперсистемном для порождаемого и воспринимаемого текста контексте играют интертекстуальные связи, распознавание и осмысление которых существенно влияет на интерпретацию содержания текста, строящегося на прецеденте,⁵ а также — и в первую очередь — на осмыслении послания продуцента текста. Например, *Was tun? Resignieren? Oder lieber Pessimist werden?* (ibid.: 84), когда высказывание *Was tun?* является, бесспорно, прецедентным для эпохи ГДР и, следовательно, прецедентным, активизируя и со-активизируя значительный пласт разнородных ассоциаций, в том числе и сведения о курсах марксизма-ленинизма, которые назывались *Rotbesrahlung*.

Комплекс разнородных ассоциаций способен активизировать прецеденты из бытовой сферы:

Für das Leben in der Zweisamkeit spricht eine Reihe von guten Gründen. Aber der wichtigste ist vermutlich der: Man braucht im Alter unbedingt jemand für den Rücken zum Einreiben (ibid.: 100).

⁵ Причины предпочтения прецедентных феноменов как вторичным семиотическим образований первичным номинативным средствам: непосредственное соотношение с ценностными ориентациями; коннотированность, экспрессивность, эмотивность; экспликация и импликация социальной критики; способность к эвфемизации; активация и со-активация комплекса сведений о мире; культурная специфичность и маркированность дихотомии «свой ↔ чужой»; языковая экономия и экономия когнитивных усилий; парольная функция; когнитивный фильтр в целях селекции воспринимаемых сведений о мире; формирование рамки восприятия в количественном и качественном отношении и др.

Очевидно, что под влиянием внешних для языка факторов в текстовом пространстве имеет место:

- уплотнение интертекстуальных связей в пределах и за пределами текста;
- утрата стилистической гомогенности;
- диффузия устной и письменной коммуникации;
- конденсирование информации с уменьшением «материального» объема текста;
- расщепление определенного типа текста и его последующая специализация при реализации конкретных стратегий в условиях специфической коммуникативной среды;
- усиление доли средств выражения эмотивности и экспрессивности на фоне реализации когерентности в конкретном текстовом пространстве;
- специализация содержательной и структурной организации текста, проецируемая на характер коммуникативной среды (устная, письменная, компьютерно-опосредованная) и особенности решаемой коммуникативной и когнитивной задачи.

Под влиянием внутренних для текста факторов также происходят изменения в организации текстов разного типа:

- изменение способов и оснований установления когерентности:

Ein Wunder. Unerklärlich, daß bei der ständigen angespannten Versorgungslage im Land, bei der unglaublichen Masse von Transparenten in den Demonstrationen in Leipzig nicht die Besenstiele zum Engpaß wurden!⁶ (ibid.: 42);

- изменение соотношения средств и способов активизации и со-активации сведений о мире, значимых при увеличении доли со-активируемых сведений, не объективируемых в соответствующем тексте: Ist es nicht furchtbar, wenn man sich Sekt leisten muß und lieber Bier trinken würde!? (ibid.: 62);

- изменение конфигурации внутритекстовых, межтекстовых и интертекстуальных связей в культуре и в текстовом простран-

⁶ Необходимо обратить внимание на довольно высокую частотность восклицательных предложений по сравнению с конвенциональной функциональной средой данного коммуникативного типа предложений в немецком языке.

стве с увеличением «удельного веса» интертекстуальных связей в той или иной конфигурации: Es gibt Leute, die apportieren Gegenstände, die ihre Vorgesetzten noch gar nicht weggeworfen haben (ibid.: 80).

В анализируемых текстах наглядно проявляются и актуальные тенденции в организации текста, описанные на примере других типов текста, нежели афоризм или максима:

- гибридизация с диффузией текстотипологических границ между текстами того или иного типа в содержательном, формальном, функциональном отношении: Die größten Eigenbrötler sind die Bäcker (ibid.: 94); Um beim Thema zu bleiben: Als ich auf einem Transit-Parkplatz an der Autobahn zum ersten Mal vor der blitzsauberen Toilette aus Edelstahl stand, dachte ich, ich pinkele in eine Spüle (ibid.: 38);

- объединение сведений из реального, фикционального, виртуального миров в одном текстовом пространстве: Es gibt Männer, denen ist kein Haar zu kurz, um es Richtung Stirn zu kämmen (ibid.: 67);

- карнавализация: Neues aus dem Vatikan. Wie wir von unserem Sonderberichterstatte Pater Noster erfahren haben, nahm unlängst der Papst ein Zolibat in der Menge (ibid.: 78);

- семиотическая гетерогенность / креолизация, которая, однако, для афоризмов и/или максим менее ярко выражена в силу их текстотипологических особенностей;⁷

- повышение значимости образности, конструируемой по-разному, как неотъемлемой составляющей текстовой ткани: Ein Gewissen läßt sich bequem in einer Brieftasche unterbringen (ibid.: 98);

- (сознательное и/или неосознаваемое) управление информационным потоком: Mir ist keine Frau zu schön, um sie mir an meiner Seite vorzustellen (ibid.: 99); Scheupklappen sind lediglich eine Sehhilfe. Sie korrigieren den Blick nach vorn (ibid.: 57);

- конструирование симулякров, очевидное или неявное для реципиента: Weil der Apparat funktionieren sollte, mußten Menschen dran glauben (ibid.: 9).

⁷ В анализируемом издании отмечены иллюстрации, содержание которых переключается с другими семиотически гомогенными текстами на немецком языке.

Особенности номинативных (в широком смысле) решений

Весьма интересно отметить, что анализируемые тексты являются чрезвычайно вариативными не только с точки зрения соотношения объективируемых и активизируемых сведений о мире, но и в отношении средств, с помощью которых соответствующие сведения объективируются. Наиболее востребованными оказываются следующие:

— концептуальная метафора, которая содержательно, формально и функционально весьма разнообразна; ср.: *Die Universität ist eine Schmiede der Nation. Darum kommen auch so viele behämmerte heraus (ibid.: 74); Stammen die Gewissensbisse vielleicht nur vom inneren Schweinehund? (ibid.: 84); Einfaltspinsel malen manchmal auch (ibid.: 112);*

— игра слов; ср.: *Der Kuß: das schönste Lippenbekenntnis (ibid.: 100); Die Wirklichkeit ist in Wirklichkeit viel unwirklicher (ibid.: 84); Wer im Brennpunkt stehen will, muß Hitze vertragen können (ibid.); Das Tor zur Torheit ist breit und hoch (ibid.: 99);*

— сравнение, в том числе и имплицитное: *Die Schale des Ruhmes ist dünn wie von einem Ei. Sie bietet keinen Schutz, um nicht in die Pfanne gehauen zu werden (ibid.: 112).*

При всех различиях в механизмах вербализации культурно специфических сведений в однотипном текстовом пространстве для «афоризма», «максимы», заметным общим, интегральным, признаком является то, что в этих столь разных текстах конструируется аксиологический фон, даже если в тексте отсутствуют первичные и/или вторичные номинативные единицы оценочной и/или аксиологической семантики; ср.: *Manchmal lernt man in den Pausen mehr als im Unterricht (ibid.: 74); Manche laufen ein Leben lang in Hemmschuhen herum (ibid.: 58).* Аксиологические сведения инферируются. Данный эффект скорее всего основывается на текстотипологических закономерностях и на характере реализуемых когнитивных и коммуникативных стратегий, обуславливающих выбор способов и средств реализации когнитивных стратегий, а не на идиостилистических особенностях продуцента или, например, на особенностях используемого в тексте стилистического приема и/или задействованного когнитивного механизма; ср.: *Die CDU spricht dieses System*

heilig. Scheinheilig (ibid.: 98); Eine Schnecke hält die Kriechspur für ihr Profil (ibid.: 117).

Анализ номинативных решений, реализующих довольно близкие по своему функционалу когнитивные стратегии при практическом тождестве реализуемых в разных условиях коммуникативных (людических) стратегий, показывает следующее: для осмысления процессов порождения и рецепции описываемых текстов важным оказывается изучение соотношения сведений, объективируемых в коммуникации (в том числе и при порождении текста), и сведений, не объективируемых, но активируемых и со-активируемых при рецепции порожденного текста и/или воспринимаемых в интеракции высказываний.

Осознание этого обстоятельства, несомненно, акцентирует вклад знания, разделяемого всеми носителями языковой культуры, в результат взаимодействия между коммуникантами. Это способствует осмыслению значимости конвенциональных средств и способов решения коммуникативных и когнитивных задач, как они сложились в конкретной языковой культуре. Вместе с тем это выделяет и роль норм разной этиологии в процессе осуществления коммуникации и их вклад в результат последней (см. подробнее в [ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ... 2025]). В качестве основной причины в связи с приведенными выше размышлениями правомерно признать то, что человек, его образ жизни, деятельность и его восприятие детерминируются культурой, социумом. А это и определяется сегодня в гуманитарном знании в качестве основополагающего тезиса при анализе человека как носителя культуры (ARBEITSKREIS... 2013: 7).

Проведенный анализ текстов типа «афоризм», «максима», чрезвычайно вариативных в текстосемантическом, текстосинтаксическом, функциональном отношении, убеждает в целесообразности разграничения способов бытования разных по своей этиологии элементов культуры: артефактов, ментефактов, индивидов, как их обсуждает Р. Познер (POSNER 2003). Он видит различия между названными элементами культуры в том, что индивиды могут стать членами другого культурного сообщества и привнести туда свои артефакты, идеи и ценности. Артефакты, созданные в одной культуре, могут быть использованы, заим-

ствованы или скопированы членами другого сообщества. Однако это не влияет на социальные отношения между членами сообщества. В отличие от артефактов ментефакты, заимствованные из инокультурного пространства, влияют на индивидов, определяя их поведение в обществе, поскольку члены другого культурного сообщества воспринимают ментефакты, которые вследствие этого так или иначе влияют на поведение людей, воспринимающих ментефакты (*ibid.*: 49).

Анализ соотношения в текстовом пространстве сведений, объективируемых механизмами вербализации, и сведениями, активируемыми и со-активируемыми, показывает, что в них содержательно представлены прямо и/или опосредованно в подавляющем большинстве случаев ментефакты, в меньшей — артефакты и индивиды. Характерно, что сведения из соответствующих ментальных категорий реже объективируются и в большинстве своем активируются и со-активируются механизмами вербализации. Последние объективируют сведения, которые либо конвенционально вербализуются в разных ситуациях, либо конвенционально не считаются в языковой культуре салиентными в том или ном типе интеракции.

Поэтому соответствующие тексты для не-носителей немецкой культуры так сложны для их адекватной интерпретации и для корректного понимания послания продуцента. Однако именно данное обстоятельство позволяет понять, почему тексты анализируемого типа конструируют аксиологический контекст, в котором они осмысляются, даже если в них отсутствуют первичные номинативные средства вербализации аксиологических сведений.

Выводы

Обобщая наблюдения над способами и средствами решения носителями языка и культуры коммуникативных и когнитивных задач, целесообразно сделать акцент на их высокой вариативности, на множественности последней и явно выраженной адаптивности к различным параметрам коммуникативной ситуации, обусловленной многочисленными факторами, внешними и внутренними по отношению как к интеракции или к порождаемому в ней тексту, так и к способам достижения субъектами своих целей.

Упомянутая вариативность интеракции и ее результатов, с одной стороны, вполне предсказуема, учитывая особенности использования средств культурных кодов при взаимодействии носителей языковой культуры, суть межличностного взаимодействия и субъектов как носителей личностной и коллективной идентичности. С другой стороны, отмеченное свойство в стандартном случае вполне подпадает под закономерность «инвариант $\leftrightarrow$ варианты», проявляющую себя феноменологически под разными углами зрения при выборе субъектами средств и способов реализации своих когнитивных, номинативных, коммуникативных стратегий «здесь и сейчас».

Поэтому анализ типов текстов как коммуникативных и когнитивных продуктов позволяет выявить, предельно обобщая, по крайней мере две группы средств решения коммуникативных и когнитивных задач.

Во-первых, это средства, доказавшие носителям языка и культуры, что они экономны, содержательны, оптимальны и в силу этого облегчающие им продуктивное взаимодействие даже в не самых благоприятных коммуникативных условиях.

Во-вторых, коммуниканты порождают и/или распознают креативные способы и средства, выпадающие из соотношения «инвариант $\leftrightarrow$ варианты», воспринимаемого в языковой культуре как нечто устоявшееся, нормативное, надежно обеспечивающее им достижение коммуникативных целей. Используемые средства и способы решения коммуникативных и когнитивных задач позволяют им управлять соотношением когнитивного фона и когнитивной фигуры при профилировании актуально воспринимаемого комплекса сведений о мире, объективировать сведения о предмете взаимодействия, которые ранее оставались конвенционально не объективированными или вовсе не активизируемыми в тех или иных условиях.

Подобные средства и способы решения коммуникативных и когнитивных задач существенным образом обогащают коммуникативные практики в целом, а также способы и средства фиксации и объективации сведений о мире в конкретном культурном пространстве, в частности. Можно отметить как минимум два следствия из охарактеризованного положения дел.

Названные новации позволяют носителям языка и культуры:

- *варьировать* организацию текста в семантическом, формальном, функциональном, семиологическом отношении, способствуя возникновению, закреплению и конвенционализации еще одного, воспринимаемого в качестве инновативного, варианта для существующего в культуре инварианта некоторого типа текста;

- расширять и *переструктурировать* в культурном и текстовом пространствах систему внутритекстовых, междотекстовых и интертекстуальных связей как по уже известным в культуре, так и по принципиально новым основаниям, совершенствуя тем самым трансфер знаний между носителями культуры в изменяющихся интеракциях и обогащая текстограмматическое и текстотипологическое знание у носителей языка и культуры;

- *переакцентуировать* в конкретном текстовом пространстве соотношение известного и нового, коммуникативно релевантной и несущественной информации, обеспечивая носителей культуры в том числе и новыми способами *структурирования* актуального для них информационного потока через более очевидное для интерактантов разграничение информационного шума и салиентной информации. В современном информационном обществе именно это приобретает все большее значение как в бытовой, так и особенно в профессиональной коммуникации;

- *порождать* способы реализации когнитивных, номинативных, коммуникативных стратегий, которые субъекты впоследствии начинают воспринимать как *маркеры* реального / фикционального / виртуального, «своего» и «чужого». В современных текстах оказывается чрезвычайно востребованным такой способ решения коммуникативных и когнитивных задач, который сознательно или интуитивно со стороны продуцентов учитывает ярко выраженные тенденции к гибридации и семиологической гетерогенности текстовой ткани, карнавализации взаимодействия коммуникантов разных категорий и гибридации разных стратегий с людическими и рекреационными в коммуникативных сферах, ранее не «закрепленных» за людическими стратегиями.

Переструктурирование информационного потока «здесь и сейчас» благоприятно сказывается на таких процессах как

- *конденсирование* информации, уплотнение информационного потока в конкретной интеракции, транслируемой в актуальном акте познания и коммуникации, что способствует формированию оптимальных способов максимально продуктивного трансфера знаний в информационном обществе;

- *облегчение* для реципиента его когнитивных и коммуникативных усилий при порождении и восприятии некоторых сведений, при их ментальной обработке, ассоциировании в уже имеющиеся у субъекта ментальные структуры, а также в интерпретацию воспринимаемых сведений;

- потенциальная *оптимизация* взаимодействия между носителями языка и культуры.

Описанные процессы оказываются востребованными в современных условиях, думается, потому, что они позволяют объяснить появление системы импульсов, способствующих реализации в коммуникации ярко выраженной ориентации продуцентов на формирование коммуникативной и когнитивной основы для проектирования / прогнозирования продуцентом способа своего взаимодействия с другими субъектами, обладающими известными ему, продуценту, характеристиками. Это создает благоприятные условия для прогнозирования воздействия порождаемого в интеракции текста на реципиента, наконец, для манипулирования, столь востребованного в условиях современных коммуникативных практик.

Названную тенденцию, следствием которой является изменение принципов содержательной, формальной, функциональной, семиологической организации текстов разного типа, можно проследить в разных коммуникативных сферах: в устной, письменной, компьютерно-опосредованной среде, в бытовой и неофициальной коммуникации, в организации досуга, например, среди хорошо знакомых в полуофициальной среде или среди политически заинтересованных людей, в людической групповой и/или массовой коммуникации, при реализации продуцентом рекреационных интенций, в иронической коммуникации в том числе и в официальном общении, при высказывании социальной критики, при конструировании той или иной дискурсивной реальности, наконец.

Идеальным реципиентом, который корректно декодирует транслируемые продуcentом сведения, адекватно интерпретирует последние, т. е. субъектом, к которому в первую очередь обращается продуcent, является человек образованный, хорошо владеющий языком, обладающий чувством юмора и чувством собственного достоинства. Такой субъект сегодня, как правило, стремится высказаться по разным поводам, хотя и не всегда способен что-то сказать и/или имеет критическое отношение к окружающей действительности. Это, наконец, открытый, активный, интересующийся миром индивид, имеющий широкий кругозор и разнообразные интересы, как традиционно его описывают исследователи актуальных социальных тенденций в современном обществе.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Блинова Ю. А. Прецедентный ономастикон и лингвокультурные концепты дискурса новейшей немецкой литературы // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 13—32. [Blinova, Yulia A. (2024) *Pretsedentnyy onomastikon i lingvokul'turnyye kontsepty diskursa noveyshey nemetskoj literatury* (Precedent Onomasticon and Linguocultural Concepts in Contemporary German Literature). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 13—32. (In Russian)].
- Взаимодействие текстов, дискурсов и кодов в семиотическом пространстве культуры / ред. Л. А. Козлова. Барнаул: АлтГПУ, 2025. [Kozlova, Lyubov' A. (ed.) (2025) *Vsaimodeystviye tekstov, diskursov i kodov v semioticheskom prostranstve yazyka* (Interaction of Texts, Discourses and Codes in the Semiotic Space of Culture). Barnaul: Altai State Pedagogical University. (In Russian)].
- Гришаева Л. И. Типология прецедентности и культурная континуальность или К вопросу о культурных скрепах // Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. Теория межкультурной коммуникации: проблемы, подходы, анализ. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2018. С. 371—388. [Grishayeva, Lyudmila I. (2018) *Tipologiya precedentnosti i kul'turnaya kontinual'nost' ili K voprosu o kul'turnykh skrepakh* (Typology of Precedentness and Cultural Continuity, or On the Issue of Cultural Bonds). In: Grishayeva, Lyudmila I. & Tsurikova, Lyubov' V. (eds) *Teoriya mezhkul'turnoy kommunikatsii: Prob-*

lemy, podhody, analiz (Theory of Intercultural Communication: Problems, Approaches, Analysis). Voronezh: Voronezh State University, 371—388. (In Russian)].

Гришаева Л. И. Диалоги о межкультурной коммуникации. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2022. [Grishayeva, Lyudmila I. (2022) *Dialogi o mezhkul'turnoy kommunikatsii* (Dialogues on Intercultural Communication). Voronezh: Nauka-Yunipress. (In Russian)].

Гришаева Л. И. Соотношение объективированных и необъективированных сведений о мире при взаимодействии носителей языка и культуры // Взаимодействие текстов, дискурсов и кодов в семиотическом пространстве культуры / ред. Л. А. Козлова. Барнаул: АлтГПУ, 2025а. С. 127—171. [Grishayeva, Lyudmila I. (2025a) *Sootnosheniye obyektivirovannykh i neobyektivirovannykh svedeniy o mire pri vsaimodeystvii nositeley yazyka i kul'tury* (The Correlation of Objectified and Non-Objectified Knowledge about the World in the Interaction of Language Speakers within a Culture). In: Kozlova, Lyubov' A. (ed.) *Vsaimodeystviye tekstov, diskursov i kodov v semioticheskom prostranstve yazyka* (Interaction of Texts, Discourses and Codes in the Semiotic Space of Culture). Barnaul: Altai State Pedagogical University, 127—171. (In Russian)].

Гришаева Л. И. О значимости соотношения объективируемых и необъективируемых сведений о мире при рецепции текста // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2025б. Вып. 15. С. 353—380. [Grishayeva, Lyudmila I. (2025b) *O znachimosti sootnosheniya obyektiviruyemykh i neobyektiviruyemykh svedeniy o mire pri retseptsii teksta* (On the Significance of the Correlation between Objectifiable and Non-Objectifiable Knowledge about the World in Text Reception). In: Bayeva, Galina A. & al. (eds) *Nemetskaya filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete* (German Philology at Saint Petersburg State University), 353—380. (In Russian)].

Донец П. Н. Прецедентные или прототипические феномены? К вопросу об одном лингвокультурологическом понятии // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014. С. 429—439. (Donets, Pavel N. (2014) *Precedentnyye ili prototipicheskiye fenomeny? K voprosu ob odnom lingvokul'turologicheskom ponyatii* (Precedent or Prototypical Phenomena? On a Linguocultural Concept). In: Tsurikova, Lyubov' V. (ed.) *Subyekt kommunikatsii: yazykovyye i mezhkul'turnyye aspekty* (The Subject of Cognition and Communication: Linguistic and Intercultural

- Aspects). Voronezh: Nauka-Yunipress, 429—439. (In Russian)].
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
[Karaulov, Yuriy N. (1987) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* (The Russian Language and the Linguistic Personality). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Парадоксальность нормы в языке и коммуникации / ред. Л. И. Гришаева, И. А. Меркулова. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2025. [Grishaeva, Lyudmila I. & Merkulova, Inna A. (eds) (2025) *Paradoksal'nost' normy v yazyke i kommunikatsii* (Paradoxicality of the Norm in Language and Communication). Voronezh: Voronezh State Pedagogical University. (In Russian)].
- Arbeitskreis Kultur- und Sozialphilosophie. (ed.) (2013) *Der Begriff der Kultur. Kulturphilosophie als Aufgabe. Einleitung*. Bielefeld: transcript Verlag, 7—23.
- Fix, Ulla. (2008) *Texte und Textsorten — sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene*. Berlin: Frank & Timme.
- Grishayeva, Lyudmila I. (2022) Konstruktion vom Simulakrum, ludophile Texte, soziale Kritik und Präzedenzphänomene als sekundäres nominatives Ausdrucksmittel (Construction of Simulacrum, Ludic Texts, Social Criticism and culturally Significant Phenomena as Secondary Nominative Means of Expression). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 120—144].
- Klix, Friedrich. (1984) *Gedächtnis. Wissen. Wissensnutzung*. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften.
- Posner, Roland. (2003) Kultursemiotik. In: Nünning, Angar & Nünning, Vera. (eds) *Konzepte der Kulturwissenschaften*. Stuttgart, Weimar: J. B. Metzler, 39—72.
- Reischer, Jürgen. (2002) *Die Sprache. Ein Phänomen und seine Erforschung*. Berlin; New York: Walter der Gruyter.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

- Сидоров С. Афоризмы // Литературная газета. 27 авг. — 2 сент. 2025 г. № 34 (6998), С. 32. [Sidorov, Sergey. (2025) Aforizmy (Aphorisms). *Literaturnaya gazeta* (Literary Newspaper), August 27 — September 2, No. 34 (6998), 32. (In Russian)].
- Lange, Bernd-Lutz. (2000) *Es bleibt alles ganz anders. Deutsch-deutsche Wunderlichkeiten*. Stuttgart; Leipzig: Hohenheim Verlag.

Lyudmila I. Grishayeva
Voronezh State University

**Decoding Information about the World in Interaction:
Communicative and Cognitive Tasks**

The focus of the comprehensive multidimensional macrotextual analysis is the correlation between information about the world that is objectified within textual space and/or interaction through cultural codes, on the one hand, and, on the other hand, between information that is not objectified in interaction and/or text but is activated and co-activated by the same verbal and non-verbal means. Using texts of aphorisms and maxims written by the German writer B.-L. Lange in connection with his reflections on various processes in both parts of Germany before, during, and after reunification, the study analyzes methods and means of information verbalizing. The discussion substantiates the necessity of consistent distinguishing between encoding and decoding of information about the world, production and reception of communicative products and understanding and interpretation of the generated text: these processes are conceptualized as relatively autonomous, non-linearly interconnected, and not mutually convertible. Special emphasis is placed on the interpretation of associative knowledge required by the recipient as a cognitive background in interpreting a cognitive figure, that is, knowledge about an event, attitudes toward it among native speakers as representatives of social categories, processes, value orientations, etc. Attention is paid to the specific features of decoding culturally significant phenomena in texts whose semantic core consists of culturally significant phenomena of diverse origin, viewed, on the one hand, as axiologically marked and cognitively and communicatively salient within the given language and culture and, on the other hand, as activating a substantial layer of heterogeneous, heterochronic, and heterosubstrate associative knowledge. The activation and co-activation of associative knowledge in reception are described within the framework of systemic, subsystemic, and supersystemic connections in the analyzed text types of aphorisms and maxims. The variability in the selection of means and methods for implementing cognitive, nominative, and communicative strategies when the same subject of cognition and communication solves similar communicative and cognitive tasks is noted. The identified features of the production of texts of a particular type are analyzed in the context of current trends characteristic of the contemporary languages and cultures with respect to the content-related, formal, functional, and semiological organization of various text types.

Keywords: text production and reception; associative knowledge; culturally significant phenomena; subsystemic, systemic, and supersystemic text relations; encoding and decoding of world information; intertextual, intertextual and intercultural connections within cultural and textual space

Для цитирования:

Гришаева Л. И. Декодирование сведений о мире в интеракции как коммуникативная и когнитивная задача // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2026. № XXIII. С. 74—113.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-74-113.

To cite this Article:

Grishayeva, Lyudmila I. (2026) Dekodirovaniye svedeniy o mire v interaktsii kak kommunikativnaya i kognitivnaya zadacha (Decoding Information about the World in Interaction: Communicative and Cognitive Tasks). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 23, 74—113. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2026-23-74-113.

Статья поступила в редакцию 21.02.2026; принята к публикации 30.03.2026

The article was submitted 21.02.2026; accepted for publication 30.03.2026